

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹ Бедина Н.Н.

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Религиозно-этические основы трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович»

Аннотация: актуальность определения основ национального самосознания обуславливает неизменный исследовательский интерес к текстам художественной литературы, в которых ставятся мировоззренческие (историософские) вопросы. Драматургия А.К. Толстого относится к таким текстам. В статье решается исследовательская задача показать, что понимание Толстым человеческой природы и природы исторического процесса, с одной стороны, определено включенностью русской дворянской культуры в общеевропейский культурный процесс (прежде всего, укоренено в романтической традиции), а с другой – демонстрирует устойчивость религиозно-этических основ русской национальной культуры, сформировавшейся в лоне восточно-христианского православия. Несмотря на то, что средневековый монашеский идеал гармоничного синтеза покаянной молитвенной практики и деятельной любви в отечественной культуре Нового времени перестает быть всенародным, герменевтический анализ текстов XIX века показывает, что такие понятия, как грех, смерть, наказание, милосердие и спасение в их православном толковании, остаются в ней основополагающими. Сопоставление текста трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» с романом Ф.М. Достоевского «Идиот» позволяет вписать произведение Толстого в широкий художественно-философский контекст и выявить один из ключевых мировоззренческих вопросов русской истории и культуры – напряженный выбор между активным действием по нравственному преобразованию мира и созерцанием красоты мира, уже преображенного провиденциальным замыслом Бога о человеке.

Ключевые слова: А.К. Толстой, драматургическая трилогия, трагедия, историософия, православная антропология

Для цитирования: Бедина Н.Н. Религиозно-этические основы трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 5 – 11.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

¹ Bedina N.N.

¹ Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov

Religious and ethical foundations of the A.K. Tolstoy's tragedy "Tsar Fyodor Ioannovich"

Abstract: the relevance of defining the national identity foundations determines of the constant research interest in the artistic texts, which pose philosophical (historiosophical) issues. The A.K. Tolstoy's dramaturgy refers to such texts. The article solves the research task of showing that Tolstoy's understanding of human nature and the historical process nature, on the one hand, is determined by the inclusion of Russian noble culture in the pan-European cultural process (primarily it is rooted in the romantic tradition). On the other hand, the article demonstrates the stability of the religious and ethical foundations of Russian national culture, formed in the bosom of the Eastern Christian Orthodoxy. The medieval monastic ideal of a harmonious synthesis of penitential prayer practice

and active love became no longer popular in the Russian culture of Modern times. However, hermeneutic analysis of texts from the 19th century shows that concepts such as sin, death, punishment, mercy and salvation in their Orthodox interpretation remain fundamental in the Russian culture. Comparison of the A.K. Tolstoy's tragedy "Tsar Fyodor Ioannovich" with the F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot" allows us to fit Tolstoy's work into a wide artistic and philosophical context and identify one of the key philosophical issues of Russian history and culture. It is a tense choice between active action for the moral world transformation and contemplation of the beauty of the world, already transformed by God's providential plan for man.

Keywords: A.K. Tolstoy, drama trilogy, tragedy, historiosophy, Orthodox anthropology

For citation: Bedina N.N. Religious and ethical foundations of the A.K. Tolstoy's tragedy "Tsar Fyodor Ioannovich". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 5 – 11.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Имя Алексея Константиновича Толстого (1817-1875) в силу жизненных обстоятельств окружено целым рядом других замечательных имен русской дворянской культуры. Его мать (А.А. Перовская) происхождением связана с сановитыми Разумовскими, отец (К.П. Толстой) был прямым потомком П.А. Толстого – ближайшего сподвижника Петра I. Граф Л.Н. Толстой приходился Алексею Константиновичу троюродным братом. После развода матери с отцом воспитателем Алексея Константиновича стал его дядя А.А. Перовский – писатель Антоний Погорельский (его знаменитая «Чёрная курица» была написана специально для воспитанника), оказавший на Толстого очень большое влияние. Им же Толстой как начинающий поэт был представлен А.С. Пушкину в 1836 г. Другой его дядя, по отцу, – известный скульптор-медальер первой половины XIX века Федор Петрович Толстой. В 1850 г., будучи по делам службы, Алексей Константинович остановится в доме приятельницы Пушкина А.О. Смирновой-Россет, здесь он встретится с Н.В. Гоголем. Большое значение в жизни Толстого имело и то, что он принадлежал к детскому окружению наследника престола – будущего Александра II.

С десятилетнего возраста А.К. Толстого возят за границу. Он прекрасно по-европейски образован. Ему можно было сделать блестящую карьеру. Однако всякая государственная служба Толстого тяготит. «...служба, какова бы она ни была, – пишет он Александру II, – глубоко противна моей натуре...» – и в 1861 г. получает наконец отставку [18, с. 319]. А с середины 1860-х гг. его ждет социальная изоляция, разорение и тяжелые болезни (по некоторым сведениям – астма и почти не прекращающаяся головная боль). В 58 лет Алексей Константинович умер от большой дозы морфия.

В 1850-51 гг. А.К. Толстой полюбил жену полковника конной гвардии Софью Андреевну Бахметеву-Миллер. Она оставила семью и мужа, но брак ее с Алексеем Константиновичем был оформлен лишь в 1863 г. (в связи с препятствованием со стороны матери Толстого и мужа Софьи Андреевны). Открытая совместная жизнь А.К. Толстого и С.А. Миллер воспринималась в свете как вызов, и обоим пришлось много пережить. Дмитрий Стремоухов высказал предположение, что прототипом Вронского в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» стал троюродный брат писателя – Алексей Константинович (сходство имен: граф Алексей Кириллович Вронский – граф Алексей Константинович Толстой, оба флигель-адъютанты [6, с. 462]. В черновиках романа Л.Н. Толстой называл Вронского поэтом. Можно найти также прямые отголоски лирики А.К. Толстого в «Анне Карениной»). В черновике у Толстого сказано о Вронском: «Ты нынче увидишь его. Во-первых, он хорош, во-вторых, он джентльмен в самом высоком смысле этого слова, потом он умен, поэт и славный, славный малый» [2, с. 780]. Конец жизни А.К. Толстого также вписывается в атмосферу романа.

С.А. Миллер посвящена почти вся любовная лирика А.К. Толстого. Самое известное, может быть, стихотворение «Среди шумного бала, случайно...», так как оно воспринимается публикой прежде всего, как романс П.И. Чайковского. Композитор называл Толстого «одним из самых симпатичных [ему] поэтов», «неисчерпаемым источником текстов под музыку» [18, с. 329]. В письме своему заочному другу и меценату Н.Ф. фон-Мекк он так характеризовал Алексея Константиновича: «Это талант не первоклассный и не гениальный, но не лишенный своеобразия оригинальности, и всегда изящный» [16, с. 251].

Любовь и красота воспринимались А.К. Толстым как высшее духовное начало, которое одухотворяет бытие и в «раздробленном» состоянии присутствует в обычной жизни. Любовь знает не только «приливы», но и «отливы», так как связана с временным состоянием духа и обстоятельствами жизни. Но степень полноты жизни зависит прежде всего от этих «приливов» и «отливов». Красота жизни человека в лирике Тол-

стого связывалась и с жизнью природы. Об особом влиянии на себя различных ее состояний Толстой говорил не раз (кстати, Толстой был страстным охотником, обладал большой физической силой и один ходил на медведя). Его пейзажная лирика музыкальна и пластична. Стихотворение «Благословляю вас, леса...» стало также популярнейшим романсом Чайковского. Вообще более половины стихов Толстого (а при жизни автора вышел только один его стихотворный сборник – в 1857 г.) положены на музыку и известны как романсы Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Рахманинова.

Поэтическое и в целом литературное творчество А.К. Толстого укоренено в общеевропейской традиции романтизма. Его ранние фантастические произведения обусловлены этой традицией, так же как интерес к средневековой истории в зрелом творчестве. «Вальтер-скоттовский» роман Толстого «Князь Серебряный» (1862) отражает его историософские воззрения, в основе которых всегда лежит нравственная идея [3, 10, 15]. «А.К. Толстой выступает как яркий представитель моральной философии, поскольку исторические процессы и факты рассматривает с точки зрения соблюдения нравственных норм, которые кажутся ему одинаково применимыми и к прошлому, и к настоящему, и к будущему» [5, с. 61]. В связи с этим важным представляется определить религиозно-этические основания представлений о добре и зле, на которых строится, по мысли автора, универсальный закон истории.

Материалы и методы исследований

В период с 1866 по 1870 гг. А.К. Толстой создает драматическую трилогию в стихах, в основу которой легли события из истории Московского царства: «Смерть Ивана Грозного» (1866), «Царь Фёдор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870). Пьеса «Царь Фёдор» прочно вошла в классический репертуар отечественного театра. Интересно, что именно этим спектаклем открылся в 1898 г. Московский Художественный театр. С ролью царя Фёдора Иоанновича был связан первый сценический успех М.А. Чехова (племянника писателя А.П. Чехова). В роли царя Фёдора на сцене выступали такие замечательные актеры, как И.М. Москвин, Н.П. Хмелев, И.М. Смоктуновский, Ю.М. Соломин. Именно трагедия «Царь Фёдор Иоаннович» по праву считается вершиной творчества А.К. Толстого, и в ней в полной мере нашли отражение его представления о человеке в целом и русской истории в частности.

Она является основным материалом для исследования в настоящей статье, где с применением приемов герменевтического и сопоставительного анализа решается исследовательская задача показать, что историософия Толстого, с одной стороны, укоренена в европейской романтической традиции, а с другой – в православной религиозной этике и антропологии.

Результаты и обсуждения

С одной стороны, как уже было сказано выше, Толстой воспринял романтическую традицию в отношении средневековой истории. Он идеализировал Киевскую Русь и Новгородскую республику. Будучи так называемым «патриотическим западником», он считал, что домосковская Русь была близка Западной Европе эпохи рыцарства и воплощала высший тип культуры и разумное общественное устройство, создающее условия для свободного проявления достойной личности. Отношение Толстого-романтика к истории можно назвать этическим и даже эстетическим. Он пишет о «красоте нашей истории до проклятых монголов и до проклятой Москвы, еще более позорной, чем самые монголы...» [1, с. 85], то есть считает, что монгольское иго и московский деспотизм привели нацию к моральному распаду, и рассматривает современность как прямое продолжение «позорного» московского периода истории. Идеал домосковской Руси Толстой воплотил в балладах и былинах, создав красочные легенды, где почти нет границ между историей и фольклором и психология героев раскрывается не в конкретно-исторических, а в общечеловеческих чертах («Илья Муромец», «Алеша Попович», «Садко» и пр.). Этой «красоте истории и человека» он противопоставляет эпоху Ивана Грозного и его преемников в своей драматической трилогии, где «все виноваты и все наказаны», и «не какую-нибудь властью, но силою вещей», то есть обстоятельствами. Неоднократно в тексте трагедии герои, невольно послужившие орудием этой силы, сокрушенно восклицают, как князь Шаховской: «Боже! Что сделал я!» [14, с. 250]. Как отмечает А.В. Федоров, в сюжетном строении трилогии «обращает на себя внимание присутствие некоторых признаков античной трагедии рока» [15, с. 712].

Трагизм русской истории кажется Толстому неизбежным, независимо от того, кто у власти – деспот Грозный, добрый Фёдор или умный Борис... Все, что происходит, – это порождение и проявление общенационального кризиса, когда в силу забвения традиций славного прошлого люди утратили понятия о чести, достоинстве и, следовательно, законности. Социально-политическое противопоставление «боярство – самодержавие» для Толстого несущественно, так как падение нравов обнаруживается общее и лишь немногие сохранили лучшие качества своих предков. Заканчивая роман «Князь Серебряный», Толстой пишет: «Люди, подобные Василию Блаженному, князю Репнину, Морозову или Серебряному, явля-

лись нередко как светлые звезды на безотрадном небе нашей русской ночи, но, как и самые звезды, они были бессильны разорвать ее мрак, ибо светились отдельно и не были сплочены, ни поддерживаемы общественным мнением» [13, с. 304].

Именно с этих позиций надо читать и трагедию Толстого. Этим объясняется и факт ее «современности» в любую эпоху.

С другой стороны, в тексте трагедии нашла отражение русская национальная картина мира, к 1860-м гг. уже активно проговариваемая в литературных текстах, прежде всего в русском классическом романе [17], с которыми трилогия А.К. Толстого входит в единое культурное пространство. На наш взгляд, знаменательно, что, в то время как Толстой создавал образ царя-юродивого, Ф.М. Достоевский воплощал замысел о «положительно прекрасном человеке» – в образе князя Мышкина в романе «Идиот» (1868). Герои Толстого и Достоевского живут в разное время, занимают различное социальное положение, их образы заключают в себе неодинаковое идейно-смысловое и художественное содержание. Царь Фёдор тяготится своим положением и хотел бы оставить мир, кн. Мышкин, наоборот, приезжает из Швейцарии на родину, и все в России ему интересно, особенно люди, в дела которых он с участием входит, горячо и искренне желая помочь (ему – не царю – не надо никого наказывать, и он, прощая, готов любить всех). Но объективно оба героя свидетельствуют о глубоком распаде общественной жизни и разладе человека с самим собой. И царь Фёдор и князь Мышкин добры и милосердны, сердце имеют по-детски чистое. Это проявляется, во-первых, в том, что их религиозность непосредственна, проста и глубока одновременно. За любовь к церковному колокольному звону и православной службе за Фёдором закрепилось прозвище «пономарь». Царица Ирина утешает мужа: «Ты ангела лишь слушай своего, и ты не ошибешься!» – и Фёдор пытается править государством, опираясь на непосредственное нравственное чувство:

Какой я царь? Меня, во всех делах,
И с толку сбить и обмануть нетрудно.
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бело иль чёрно,
Избрать я должен – я не обманусь.
Тут мудрости не нужно, шурин, тут
По совести приходится лишь делать [14, с. 225-226].

О религиозном чувстве князя Мышкина мы узнаем как бы опосредованно, через восприятие им чувств другого человека – простой бабы с ребенком на руках: «Смотрю, она так набожно, набожно вдруг перекрестилась. “Что ты, говорю, молодка?” <...> “А вот, говорит, точно так, как бывает материна радость, когда она первую от своего младенца улыбку заприметит, такая же точно бывает и у Бога радость всякий раз, когда Он с неба завидит, что грешник перед Ним от всего своего сердца на молитву становится”. Это мне баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно религиозную мысль, такую мысль, в которой вся сущность христианства разом выразилась, то есть всё понятие о Боге, как о нашем родном Отце и о радости Бога на человека, как отца на свое родное дитя – главнейшая мысль Христова» [4, с. 183-184]. Достоевский видит такую веру сохранившейся в XIX веке только в простых людях, но устами Мышкина он говорит о ней как о вере подлинной, несущей «главную мысль» Христа. Именно такой верой верует и царь Фёдор Толстого – как человек Древней Руси (создавая образ царя, Толстой опирался на исторические сочинения и тексты конца XVI – начала XVII в.).

Кроме того, детская невинность героев проявляется в отношении к женской красоте – в проявлениях любви оба они не знают чувственности. Наконец, героев сближает болезненное состояние: и сам князь и окружающие постоянно вспоминают о его «падучей», царя же Фёдора заговорщики объявляют недееспособным по слабоумию. Иными словами, их обоих называют идиотами, что может трактоваться и как слабость, душевный недуг, и как безумие юрода, по ап. Павлу: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом». Оба героя если не святые, то, по крайней мере, идущие по этой дороге.

Нет, он святой!
Бог не велит подняться на него –
Бог не велит! Я вижу, простота
Твоя от Бога, Фёдор Иоанныч, –
Я не могу подняться на тебя! –

«в сильном волнении» говорит князь Иван Петрович Шуйский [14, с. 245].

Вместе с тем, все усилия и царя Фёдора, и князя Мышкина оказываются тщетны – примирение невозможно, и люди, которых они пытаются спасти, гибнут. Н.О. Лосский отмечает «недостаток дисциплины»

рованной духовной силы» у героя Достоевского: «Образ князя Мышкина чрезвычайно привлекателен, он вызывает сочувствие и сострадание, но от идеала человека он весьма далек. Ему не хватает той силы духа, которая необходима, чтобы управлять своею душевною и телесною жизнью и руководить другими людьми, нуждающимися в помощи» [7]. Эту характеристику вполне можно переадресовать и царю Фёдору А.К. Толстого. Однако, по нашему мнению, не в одной недисциплинированности дело – здесь находит отражение православное представление о природе человека, тесно связанное с идеей греха.

Если в западной христианской традиции грех, прежде всего, связан со страстью, слабостями человека (в первую очередь телесными), то и победа над грехом возможна через как раз дисциплинирование духа и тела, умеренность и добродетели – средства, вполне доступные человеку. В восточной же христианской церкви грех толкуется как причина «изменения [человеческого] естества к страсти, тлению и смерти» [8, с. 111]. Смертность – главное следствие греха: «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков». Как пишет прот. Иоанн Мейендорф, в святоотеческом учении и наиболее ясно у свт. Иоанна Златоуста «смертность – это своего рода болезнь, порождающая страх, который в свою очередь служит причиной борьбы за существование. В этой борьбе каждый стремится выйти победителем за счет своего ближнего; в этом и состоит суть греха, который есть обратное любви <...> результат первородного греха есть наследственная смертность, которая в свою очередь порождает грех. Грех и смерть, взаимно порождая друг друга, образуют порочный круг» [9], который самому человеку разорвать невозможно. Только с приходом Христа смерть, говоря словами свт. Иоанна Златоуста, утратила «свое жало», став путем к восстановлению изначального человеческого естества, а потому страх смерти может быть преодолен любовью. Православная антропология определяет место человека в русской национальной картине мира: здесь цель человеческой жизни не в преобразовании мира и преодоления собственной конечности, а в преображении собственного взгляда на себя самого и на мир, в восстановлении гармонии с ним.

В трагедии А.К. Толстого все герои, кроме царя Фёдора, живут в страхе утраты власти и борются за «место под солнцем», даже царица Ирина, настаивая на самовластии мужа, пугает горделивых бояр призраком Ивана Грозного:

Скажи мне, князь, когда бы ты теперь
Не пред царем Феодором стоял,
Но пред отцом его, царем Иваном,
Раздумывал бы столько ты? [14, с. 174].

Только Фёдор Иоаннович тяготится своей властью и сам готов отдать ее ради примирения любимых им людей. Однако и он берет на себя слишком много – обещая Борису Годунову помирить его с князем Иваном Петровичем Шуйским, он цитирует Евангелие от Луки «Бог же весть сердца ваша», перенося эти слова на себя:

Ты этого, Борис, не разумеешь!
Ты ведай там, как знаешь, государство,
Ты в том горазд, а здесь я больше смыслю,
Здесь надо ведасть сердце человека!...
Я завтра ж помирю вас [14, с. 159].

И, как следствие, все усилия блаженного царя приводят только к многочисленным смертям. А в конечном итоге страх (потерять любимую жену Ирину) и гнев оказываются известны и ему самому царю Фёдору, заставляя принимать опрометчивые и роковые решения. К такому же фиаско приходит и герой Ф.М. Достоевского, «поскольку герой берет на себя непосильную роль исправления человечества, спасения мира исходя из своего личного представления о правде. И закономерно не справляется с ней, что ведет к гибели и самого героя, и всех, кто оказывается рядом с ним».

В романе Достоевского порочный круг греха, смерти, страха и страсти воплощен в жутком образе чудовища из сна Ипполита Терентьева. Стоящий на пороге гибели молодой человек пишет «Мое необходимое объяснение», которое начинается с разговора с князем о смерти и дурных снах, а далее пересказывает сон, где Ипполиту является ужасное животное: «Оно было вроде скорпиона, но не скорпион, а гаже и гораздо ужаснее, и, кажется, именно тем, что таких животных в природе нет, и что оно нарочно у меня явилось, и что в этом самом заключается будто бы какая-то тайна» [4, с. 323]. Нарушающее естество чудовище преследует героя, прячась и одновременно нападая, и только черный пес по кличке Норма побеждает его, схватив гада зубами. Образ пса, спасающего человека от греха и страха смерти, может содержать аллюзию к 1-й песни Дантовской «Божественной Комедии», где пророчество о грядущем избавлении Италии трактуется комментаторами по-разному, однако в любом случае имеет нравственно-эсхатологический смысл. У

Достоевского Норма жертвует собой, погибая в схватке с скорпионом, чем заканчивается весь сон: «...Тут я проснулся, и вошел князь». Есть ли смысл в жертвенной схватке с грехом самого князя? Как есть ли смысл в нравственных усилиях русских самодержцев, изображенных А.К. Толстым?

Выводы

Думается, вопрос о выборе между нравственным действием, всегда содержащим в себе потенциальную опасность греха гордыни, необоснованных претензий человека на роль Спасителя, и созерцательным бездействием, чреватым потворством греху, остается одним из «проклятых вопросов» русской истории и русской культуры.

Во второй половине XIX века к нему обращаются самые разные авторы с самыми разными мировоззренческими установками. Во время создания Алексеем Константиновичем Толстым его драматической трилогии Иван Александрович Гончаров заканчивает работу над своей романной трилогией, публикуя в 1869 г. роман «Обрыв» (вторая часть трилогии «Обломов» опубликована еще в 1859 г.). Лев Николаевич Толстой в это время завершает работу над романом о счастливых людях – «Война и мир» (1863-1869) – и в 1873 г. уже начинает работу над романом «Анна Каренина», представив свою версию нравственного осмысления взаимосвязи греха, страсти, страха и смерти. Николай Семенович Лесков начинает работу над циклом «о праведниках» и в 1875 г. публикует повесть «На краю света», где высказывает надежду на возможность преодоления воли к власти и страха смерти евангельским светом Преображения. Все эти произведения прочно вошли в национальный культурный код и отражают религиозно-нравственную основу картины мира русской культуры.

Список источников

1. Антюхов А.В., Шаравин А.В. Концепция «славянского» и «русского» в эпистолярном наследии А.К. Толстого // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3. С. 82 – 87.
2. Бабаев Э. Примечания // Толстой Л.Н. Анна Каренина / примеч. Э. Бабаева, ил. О. Верейского. М.: Художественная литература, 1976. С. 775 – 797.
3. Громова П.С. Проза А.К. Толстого: проблемы жанровой эволюции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тверь, 2011. 188 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Идиот: Роман в четырех частях. Ленинград: Наука, 1973. Т. 8. 512 с.
5. Емельяненко В.Д., Садовая Л.В. Этический характер историософии А.К. Толстого // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (98). С. 60 – 63.
6. Литературное наследство. Толстой и зарубежный мир. М.: Наука, 1965. Т. 75. 614 с.
7. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. URL: <https://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskij-hristianskoe-miroponimanie/glava-vi-polozhitelno-prekrasnyj-chelovek.htm> (дата обращения: 20.07.2025).
8. Максим Исповедник, преп. Вопросыответы к Фалассию. Вопрос XLII // Творения преподобного Максима Исповедника / пер. и коммент. С.Л. Епифанович, А.И. Сидоров. М.: Мартис, 1993. Ч. 1. С. 111.
9. Мейендорф Иоанн, прот. Введение в святоотеческое богословие: Конспекты лекций Минск: «Лучи Софии», 2007. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vvedenie-v-svjatootcheskoe-bogoslovie/16 (дата обращения: 20.07.2025).
10. Немзер А.С. Вальтер-Скоттовский историзм, его русские изводы и «Князь Серебряный» // При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. С. 547 – 572.
11. Паршева Е.М. К вопросу о киноинтерпретации литературного текста: князь Мышкин Ф.М. Достоевского и князь Мышкин В. Бортко // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 58. С. 31 – 37.
12. Степанян К.А. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.
13. Толстой А.К. Князь Серебряный; Стихотворения. М.: Художественная литература, 1986. 384 с.
14. Толстой А.К. Царь Фёдор Иоаннович (Трагедия в пяти действиях) // Толстой А.К. Избранное. М.: Книга. Просвещение. Милосердие, 1997. С. 141 – 274.
15. Фёдоров А.В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени: 200-летию со дня рождения Алексея Константиновича Толстого посвящается. М.: Русское слово, 2017. 748 с.
16. Чайковский П.И. Письмо от 24/12 марта 1878 г. (784) // П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк. М.: Academia, 1934. Т. 1. С. 251 – 252.

17. Швецова Т.В. Художественная картина мира в русском классическом романе XIX века // Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации: коллективная монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госун-та им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 44 – 51.

18. Ямпольский И.Г. А.К. Толстой // История русской литературы: в 10 т. Литература шестидесятых годов. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. С. 315 – 348.

References

1. Antyukhov A.V., Sharavin A.V. The Concept of "Slavic" and "Russian" in the Epistolary Heritage of A.K. Tolstoy. Bulletin of Bryansk State University. 2016. No. 3. P. 82 – 87.
2. Babaev E. Notes. Tolstoy L.N. Anna Karenina. Notes by E. Babaev, ill. O. Vereisky. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1976. P. 775 – 797.
3. Gromova P.S. A.K. Tolstoy's Prose: Problems of Genre Evolution: Diss. ... Cand. of Philological Sciences: 10.01.01. Tver, 2011. 188 p.
4. Dostoevsky F.M. Complete Works: in 30 vol. The Idiot: A Novel in Four Parts. Leningrad: Nauka, 1973. Vol. 8. 512 p.
5. Emelyanenko V.D., Sadovaya L.V. The Ethical Character of A.K. Tolstoy's Historiosophy. Almanac of Modern Science and Education. Tambov: Gramota, 2015. No. 8 (98). P. 60 – 63.
6. Literary Heritage. Tolstoy and the Foreign World. Moscow: Nauka, 1965. Vol. 75. 614 p.
7. Lossky N.O. Dostoevsky and His Christian Worldview. New York: Izd-vo im. Chekhov, 1953. URL: <https://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskiy-hristianskoe-miroponimanie/glava-vi-pozhozhitelno-prekrasnyj-chelovek.htm> (date of accessed: 20.07.2025).
8. Maximus the Confessor, Venerable. Questions and Answers to Thalassius. Question XLII // Works of St. Maximus the Confessor. Translated and commented by S.L. Epifanovich, A.I. Sidorov. Moscow: Martis, 1993. Part 1. 111 p.
9. Meyendorff John, Archpriest. Introduction to Patristic Theology: Lecture Notes Minsk: "Rays of Sophia", 2007. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vvedenie-v-svjatootecheskoe-bogoslovie/16 (date of accessed: 20.07.2025).
10. Nemzer A.S. Walter Scott's Historicism, Its Russian Versions, and "Prince Silver". In the Light of Zhukovsky. Essays on the History of Russian Literature. Moscow: Vremya, 2013. P. 547 – 572.
11. Parsheva E.M. On the Question of Film Interpretation of Literary Text: Prince Myshkin by F.M. Dostoevsky and Prince Myshkin by V. Bortko. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2022. No. 58. P. 31 – 37.
12. Stepanyan K.A. Dostoevsky and Cervantes: Dialogue in Great Time. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2013. 368 p.
13. Tolstoy A.K. Prince Serebryany; Poems. Moscow: Fiction, 1986. 384 p.
14. Tolstoy A.K. Tsar Fyodor Ioannovich (Tragedy in Five Acts). Tolstoy A.K. Selected Works. Moscow: Book. Education. Mercy, 1997. P. 141 – 274.
15. Fedorov A.V. Aleksey Konstantinovich Tolstoy and Russian Literature of His Time: Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of Aleksey Konstantinovich Tolstoy. Moscow: Russkoe slovo, 2017. 748 p.
16. Tchaikovsky P.I. Letter of March 24/12, 1878 (784). P.I. Tchaikovsky. Correspondence with N.F. von Meck. Moscow: Academia, 1934. Vol. 1. P. 251 – 252.
17. Shvetsova T.V. Artistic Picture of the World in the Russian Classical Novel of the 19th Century. National Codes in European Literature of the 19th–21st Centuries. Literary Canon in the Context of Intercultural Communication: A Collective Monograph. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2020. P. 44 – 51.
18. Yampolsky I.G. A.K. Tolstoy. History of Russian Literature: in 10 volumes. Literature of the Sixties. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. Vol. 8. P. 315 – 348.

Информация об авторах

Бедина Н.Н., кандидат филологических наук, доктор культурологии, доцент, профессор, кафедра культурологии и религиоведения, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», bedina-nat@yandex.ru